

A CULTURAL AND ETHNOGRAPHIC APPROACH TO THE STUDY OF UZBEK AND CHINESE ANTHROPONYMS

Mushtariy Yashnarbekova Yashnarbekovna

teacher, Uzbek State University of World Languages

m.yashnarbekova@gmail.com

<https://doi.org/10.5281/zenodo.17556540>

ARTICLE INFO

Received: 30th October 2025

Accepted: 07th November 2025

Online: 08th November 2025

KEYWORDS

Anthroponymy; naming traditions; Uzbek culture; Chinese culture; ethnographic analysis; naming customs; cultural onomastics; personal names.

ABSTRACT

This article explores the anthroponyms of the Uzbek and Chinese peoples from a cultural-ethnographic perspective. It highlights how naming traditions reflect social structures, beliefs, customs, and historical developments in each culture. The study examines naming ceremonies, the influence of religion and superstition on name selection, the role of family and clan in naming practices, and the evolution of personal naming systems. By comparing Uzbek and Chinese naming customs – from protective names intended to safeguard children to the Chinese practice of multiple names throughout life – the paper reveals both unique cultural specifics and shared human concerns embodied in personal names.

КУЛЬТУРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ УЗБЕКСКИХ И КИТАЙСКИХ АНТРОПОНИМОВ

Яшнарьбекова Муштарий Яшнарьбековна

преподаватель

Узбекский государственный университет мировых языков

m.yashnarbekova@gmail.com

<https://doi.org/10.5281/zenodo.17556540>

ARTICLE INFO

Received: 30th October 2025

Accepted: 07th November 2025

Online: 08th November 2025

KEYWORDS

Антропонимия; традиции именованья; узбекская культура; китайская культура; этнографический анализ; обычаи именованья; культурная ономастика; личные имена.

ABSTRACT

В данной статье рассматриваются антропонимы узбекского и китайского народов с культурно-этнографической точки зрения. Особое внимание уделяется тому, как традиции именованья отражают социальную структуру, верования, обычаи и историческое развитие каждой культуры. В исследовании анализируются обряды наречения, влияние религии и суеверий на выбор имени, роль семьи и рода в практике именованья, а также эволюция систем личных имен. Сравнивая узбекские и китайские обычаи именованья — от

обереговых имен, призванных защитить ребёнка, до китайской традиции иметь несколько имен на протяжении жизни — статья выявляет как уникальные культурные особенности, так и общечеловеческие аспекты, воплощённые в личных именах.

Введение.

Имена людей являются неотъемлемой частью нематериального культурного наследия каждого народа. Изучение антропонимов в культурно-этнографическом аспекте позволяет понять, какие обычаи, верования и социальные нормы стоят за практикой именования. Как отмечают исследователи, личное имя – это своего рода «социальный текст», в котором зашифрованы данные о культуре носителя [Никонов 1970: 91]. Антропонимические системы разных народов мира формировались под влиянием уникальных исторических обстоятельств, семейных устоев и мировоззренческих установок. В данной работе рассматриваются узбекская и китайская системы имен собственных сквозь призму этнографии: какие традиции связаны с наречением ребенка, как отражаются религиозные и магические представления в именах, какую роль играют семья и род в выборе имени.

Цель настоящей статьи – проанализировать антропонимические обычаи узбеков и китайцев, описать основные этнокультурные мотивы, влияющие на выбор имени, а также сравнить роль социальных и религиозных факторов в именованиях. Работа базируется на материалах диссертационного исследования автора, а также на опубликованных этнографических и ономастических трудах, посвященных исследуемым культурам [Исокова 1993: 102; Крюков 1969: 109].

Основная часть

Традиции именования в узбекской культуре. В узбекском обществе имя новорожденному традиционно давалось с соблюдением определенных обычаев и с учетом множества факторов – от семейных обстоятельств до суеверий. Одним из значимых этапов в жизни семьи является церемония наречения имени ребенка (*исм қўйиш*). Обычно она проводилась на 7-й день после рождения малыша, часто в форме небольшого праздника – азон айтиш (произнесение азана и молитв) в ухо ребенку, после чего объявлялось его имя. Выбор имени мог доверяться старшему в роду или уважаемому духовному лицу – например, аксакалу, мулле. Считалось, что благословение старших придает имени особую силу.

У узбеков существовало поверье: *“Исми қўйилганча, қисмати боғланган”* – «Судьба связана с данным именем». Поэтому выбор имени наполнялся глубоким смыслом. Мотивы именования разнообразны:

Память предков и преемственность. Распространена традиция называть ребенка в честь уважаемого родственника – деда, бабушки или другого предка. Считалось, что так ребенок перенимает лучшие качества тетки и сохраняется связь поколений. Например, если дедушку звали *Али*, внуку часто дают имя *Али* или

созвучное ему. В советский период у узбеков появилась и практика двойных имен (например, *Фарходжон Али угли* – в документах отчество указывало имя отца), однако в повседневном общении отчества не употреблялись так строго, как в русской традиции.

Обстоятельства рождения. Многие имена отражают ситуацию, при которой появился ребенок, или порядок его рождения. Если до этого в семье долго не было детей, мальчика могли назвать *Турсун* («Останется») или *Тохта* («Хватит, остановись» – обращение к силам, чтобы следующий ребенок не умер). Рождение девочки после нескольких мальчиков отмечали именем *Гул* («цветок»), подчеркивая ее драгоценность. Если ребенок родился в какой-то праздник или день недели, это тоже отражалось: *Жумабой* (пятничный), *Наврўз* (в честь праздника Навруз). Были имена, указывающие на порядок рождения: *Тўнгич* («первенец»), *Кенжа* («младший»). Подобные имена одновременно служили «ярлыками» обстоятельств и своеобразными талисманами.

Религиозные имена и благочестивые пожелания. С проникновением ислама укоренилась практика давать арабские имена со смыслом, связанным с Богом и верой. Появились многочисленные именованья с компонентом *Абд-* («раб [Божий]»): *Абдулла* (раб Аллаха), *Абдукарим* (раб Милостивого), а также имена пророков и святых: *Мухаммад*, *Исхоқ* (*Исаак*), *Юсуф* (*Иосиф*) и др. До сих пор в узбекских семьях популярны имена, указывающие на религиозность семьи. Помимо этого, некоторые имена являлись своего рода **мольбой**: *Худойберди* («Бог дал»), *Оллоёр* («угодный Аллаху»), *Носириддин* («помощь веры») и т.п.. Эти имена выражали благодарность Всевышнему за рождение ребенка или надежду на его благословение.

Этические и эстетические идеалы. Культурные ценности узбекского общества – уважение, скромность, трудолюбие – нашли отражение и в именах. Например, имена *Камол* («совершенство»), *Илм* («знание»), *Адолат* («справедливость») – прямое указание на добродетели, к которым стремятся. Девочкам нередко давали имена, связанные с красотой и нежностью: *Гульнора* («огненный цветок»), *Малика* («царица»), *Лола* («тюльпан») и др. Через такие имена родители как бы задавали ребенку идеал для подражания.

Кроме значений имени, в узбекской традиции имело значение кому поручено наречение. Если имя давал знаменитый богослов или святой человек, это считалось добрым знаком для судьбы ребенка. Также существовал обычай менять имя ребенку, если он сильно болеет – дать новое, «сильное» имя, чтобы обмануть болезнь. Например, больного мальчика могли переименовать во что-то вроде *Ит* («пёс») на время, веря, что болезнь отстанет. Эти практики описаны этнографами и отражают синкретическое переплетение ислама с народными поверьями [Исокова 1993: 103].

Китайские именовательные обычаи и социальные функции имени. Китайская культура имен отличается многослойностью и строгим соблюдением определенных социальных норм. В традиционном Китае имя человека менялось на

разных этапах его жизни, отражая его социальный статус и возраст. Основные элементы китайской именной традиции:

«Молочное» имя (幼名) и взрослое имя. В китайской традиции новорожденному давали детское имя, часто неформальное. Такое имя могло быть ласковым или даже уничижительным прозвищем, используемым в кругу семьи. Примеры: 小虎 (Сяоху) – «тигренок», 狗儿 (Гоур) – «щенок», 丑妞 (Чоуню) – «уродка (в шутку)». Считалось, что слишком «красивое» имя может привлечь внимание злых духов, а простое – защитит ребенка. Детское имя не вносилось в родословные и официальные документы, оно служило для домашнего обихода до поры взросления.

Взрослое имя (名) и церемониальное имя (字). Когда мальчик (реже девочка) достигал совершеннолетия (около 15–20 лет), ему давали официальное имя – 名, которое использовалось во всех документах и общении вне семьи. Кроме того, в образованных слоях общества (особенно в среде мужчин-чиновников) существовал обычай получения второго имени, так называемого «имени-вежливости» – 字. Цзы обычно состояло из двух иероглифов и даровалось либо старшим родственником, либо выбиралось самим человеком, чтобы использоваться в официальной переписке, на экзаменах, при обращении ровесников.

Система поколенческого имени. Упомянутый выше обычай пай-хан (排行) заключался в том, что внутри одной большой семьи (клана) всем детям каждого поколения давали общий иероглиф в личном имени. Например, у всех братьев и сестер мог быть первый иероглиф имени одинаковым, показывающим, что они принадлежат к одному поколению. В следующем поколении использовали другой иероглиф из специального списка, зачастую составленного предками или хранящегося в семейной книге. Такие списки могли оперировать, к примеру, пятью стихиями: если в именах поколения присутствует элемент «вода», то в именах их детей будет элемент «огонь», затем «дерево» и т.д., по кругу, символизируя космический порядок [Крюков 1969: 109].

Роль семьи и общества в выборе имени. Как в узбекской, так и в китайской культурах, имя ребенка – это не чисто личное дело родителей, а акт, в котором заинтересовано все семейное окружение. В узбекской семье старшие поколения активно участвуют: нередки случаи, когда бабушка или дедушка сами выбирают имя внуку, желая увековечить кого-то из предков или выразить свою любовь. В китайской семье выбор имени также мог согласовываться с старшими, особенно если речь шла о соблюдении поколенческой «формулы». Кроме того, в Китае существовал обычай обращаться к профессиональным гадателям имени (测字师) или монахам, чтобы подобрать ребенку благоприятное имя с точки зрения астрологии и нумерологии (подбор иероглифов по количеству черт, по взаимодействию стихий, согласно дате и часу рождения). Таким образом, имя могло стать результатом коллективного творчества и ритуала.

В обеих культурах имя служило символом надежды на социальный успех. У узбеков имена типа *Олим* («ученый»), *Раис* («начальник»), *Сардор* («лидер, командир») свидетельствуют о стремлении видеть ребенка образованным и уважаемым человеком. В Китае аналогичную функцию выполняли имена вроде *贵生* (*Гуйшэн*) – «благородно родившийся» или *富贵* (*Фугуй*) – «богатство и знатность».

Этнографическое значение антропонимов. Антропонимы являются ценным источником для этнографа или историка, так как фиксируют пласты информации о культуре. Например, наличие у узбеков большого числа имен с компонентом *-гул* («цветок») и *-ой* («луна») указывает на укорененность эстетики цветов и небесных светил в мировосприятии народа (особенно в отношении женщин – идеал женской красоты ассоциируется с луной и цветами). Обилие же арабских имен говорит о степени исламизации. В Китае же сами по себе фамилии – фактический список древних кланов, отсылающий к легендарным временам: например, фамилия Чжан 张 связана с преданием об удильщике, Сыма 司马 – «управитель конюшнями» (древняя должность). То, что все китайцы до сих пор носят несколько сотен одних и тех же фамилий, свидетельствует о прочности родовых институтов. А разнообразие личных имен при относительно постоянных фамилиях показывает, как индивидуальное (имя) взаимодействует с коллективным (фамилия).

Выводы

Культурно-этнографический подход к антропонимам узбеков и китайцев позволяет сделать следующие выводы:

Имена как отражение верований. Узбекская и китайская антропонимия богаты примерами, когда имя наделяется охранной или сакральной функцией. В традиционных узбекских семьях имена нередко выбирались с оглядкой на суеверия (чтобы отогнать смерть, задобрить судьбу), а в китайских – с учетом фэн-шуй, астрологии и табу. Это подтверждает, что во всех культурах имя воспринималось как носитель магической силы, способной влиять на жизнь человека [Исокова 1993: 102].

Религиозно-культурная символика. Имена узбеков несут явный отпечаток исламской культуры (арабские имена, имена со значением благочестия, упования на Бога). Имена китайцев связаны с конфуцианско-даосским символизмом (иероглифы природы, добродетелей). Оба набора отражают ценностные системы своих обществ: уважение к Аллаху и пророкам у узбеков, почитание семьи и природной гармонии у китайцев.

Этнографическая ценность имен. Имена являются ценным этнографическим источником. Анализ узбекских имен раскрывает социальную историю (например, советские и постсоветские веяния в именах), а анализ китайских – особенности мышления (иерархия, символизм). Сравнительное изучение антропонимии двух народов позволяет глубже понять, как универсальные человеческие проблемы (рождение и смерть, семья, религия, страхи) решаются средствами культуры – в данном случае, через имя.

В итоге, культурно-этнографический подход к антропонимам демонстрирует, что собственные имена – не просто лингвистические единицы, а живая энциклопедия культуры. Через призму имен мы видим мир глазами народа: что для него свято, чего он боится, о чем мечтает. Изучение узбекских и китайских имен и обычаев именования показывает, насколько многогранным может быть человеческий опыт, и вместе с тем, насколько схожи глубинные устремления разных народов. Такие исследования способствуют взаимопониманию и уважению культурных различий, ведь за каждым именем стоит человеческая история.

References:

1. Исокова Ш. Оила ва фарзанд туғилиши билан боғлиқ урф-одатлар (Обычаи, связанные с рождением ребенка) // Ўзбек тилшунослигига оид тадқиқотлар. – Тошкент, 1993. – №5. – Б. 102–104.
2. Крюков М. В. О социологическом аспекте изучения китайской антропонимии // Ономастика. – М., 1969. – С. 109–112.
3. Никонов В. А. Личное имя – социальный знак. – М.: Наука, 1970. – 91 с.
4. Ройзенсон Л. И., Магазанник Э. Б. О мотивах выбора имени // Вопросы ономастики. – Самарканд, 1971. – С. 29–31.
5. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 1973. – 215 с.